

Охота

Я ходил по воде – оказалось, по василькам.
И в следах умирало виденье сухим и синим,
И не пальцы крошились на лбы озорным малькам –
Хлеб на землю, лишь грудь ото рта отнимем.

И себе захотелось впервые кричать: убей!
Только что-нибудь сделай; на тяге убей вальдшнепа.
Но вальдшнеп улетал – всё прозрачнее, всё голубей,
Всё огромней, чем выше в небо.

* * *

Пастель и снег – из белого угла
Весенней ночью тёмной не уйдёшь,
И сон, как вещь, которая мала, –
Лежишь, ворочаешься и растёшь.

За вдохом вдох на обороте век
Рисует запах душный и сырой,
Как в пузырьках на полочках аптек,
И каждый цвет становится горой.

Свои шаги – препятствие для ног.
И тает снег мучительно для глаз:
Земную ткань не запятнавший сок
Стоит в глазах – слезоточивый газ.

Стоит над снегом синеватый пар,
И крепче сон, чем кровное вино.
Зажгли окно, и городской бульвар
Пошёл, как поезд: *ты* – идёшь в кино.

* * *

Летит в саях оконной рамы
Неудержимый мальчик взгляда –
С горы трёхкупольного храма
В аллею храмового сада –

Когда по-праздничному людно
И в полночь расходиться рано,
На паперть звёздно и безлунно
Наносится кардиограмма –

Его рождение невозможно
Поймать закрытыми глазами:
Летит сквозь веки и – трёхсложно
Живёт мой сын под небесами.

* * *

Короткий душ под ярким фонарём,
А дальше – тень, стекающая с тела, –
Ночь с электрическим угрём
Под каждым шагом чистотела.

Букет ветвей на уголке стены,
Тропинка снежная в прозрачной луже,
Моя ладонь – от тел отделены,
Просветом связанные туже.

Их продолжения в других ночах,
Под фонарями незнакомых улиц.
И мерный шаг, доверчивый, как взмах,
Обходит море, где Христос уснул – и... тсс.

Бульварный щебет

В груди атланта таяла свеча –
Краюха хлеба в бережной ладошке.
Мы шли; подсвечник моего плеча
Терялся в тёплой восковой обложке.

Как пахло морем: мы на берегу!
И три кита бросаются под ноги,
И мир летит описывать дугу –
Так таял снег, переплелись потоки.

Хотелось есть; у набегавших волн
Мы, как заметки на полях тарелок...
Священник прятался за свой амвон,
Садился ниже, становился мелок –

Смотреть на солнце можно без вреда,
И пьют из глаз доверчивые птицы:

– Небо синее, как вода.

– Люди – образы – плащаницы.

* * *

В карманах звёздные каштаны:
На перепутье ночь и человек.
Больной прикладывает раны
К крестам спасительных аптек.

Чем равнодушнее и выше возраст,
Тем ближе космос ко второй земле, –
Тем ближе детство: сладкий хворост
Губами найденный в золе.

* * *

Растёт сквозь пальцы матери-земли,
Растёт трава – пробились голоса,
Раздались детские, как не могли.
В траве опомнились леса.

Зарытый в землю глиняный сосуд
Увидел свет – и горловины вверх
Задрали комнаты, подняли и несут
Открытый взгляд, расколотый орех.

Весна: на суше чувствует моряк
Морские волны в собственной крови.
Навстречу дождь, и дождевой червяк
Нанижет кольца на него свои.

* * *

Манит кристалл, но ослепляет грань –
Глаза горе, но снежная вершина
Рождает молнию и режет ткань
Глазного, траурного крепдешина.

И клином след – за уткой – на пруду:
Она плывёт, расстёгивая воду.
– И я за ней как посуху пройду
И дам дорогу своему народу.

Через моря проведены мосты,
Возведены как памятники брода.
Нам плачут рыбы с горной высоты
Ручьями сухости и кислорода.

А выше рыб, на самом берегу,
Глубокий старец засиделся в лодке.
Глаза чисты, и руки все в снегу,
Дрожит гора на слабом подбородке.